

АЛЁНА
БАЖЕНОВА

После
ИЗМЕННЫ
ты мне больше не нужен

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алёна Баженова

**После измены. Ты
мне больше не нужен**

«Автор»

2026

Баженова А.

После измены. Ты мне больше не нужен / А. Баженова —
«Автор», 2026

– Он тянет тебя на дно, Алина! Он же натуральный гопник, – так всегда говорила мама, брезгливо морщась при виде моего мужа. Я искренне верила, что они ненавидят друг друга. Ровно до того дня, пока не вернулась домой пораньше и не застала их в нашей постели. Двойное предательство. Удар в спину от мужчины, с которым я планировала будущее, и от женщины, которая дала мне жизнь. В один миг я лишилась семьи, дома и веры в людей. Я осталась на улице под проливным дождем, выжженная изнутри. У меня нет плана, куда идти дальше. Но я точно знаю одно: я больше не буду удобной. И когда он придет ко мне, пытаясь всё вернуть, я скажу только одно:– После измены ты мне больше не нужен.

© Баженова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	41
Гл	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алёна Баженова

После измены. Ты мне больше не нужен

Глава 1

Уроки отменили из-за прорванной на втором этаже трубы.

Детей распустили по домам, и я вернулась домой на три часа раньше обычного. Быстро добежала до дома под зонтом, предвкушая, как замотаюсь в плед и сяду на кухне с новой книгой, которую вчера забрала на Озоне.

Илья должен был быть в офисе. Закрытие месяца, отчёты – он всю неделю возвращался за полночь, уставший, а я заваривала ему чай и массировала плечи, радуясь, что у нас, несмотря на все трудности, есть наша маленькая, уютная жизнь. Пусть и в съёмной квартире. Мы уже планировали взять ипотеку, последние три года копили на первоначальный взнос, но как-то всё не получалось. То ставки в банке выросли, то цены на жильё взлетели, и нас снова пришлось копить.

Но я не расстраивалась, главное рядом со мной любимый мужчина, а вместе мы можем преодолеть любые препятствия.

Я вошла в прихожую, сняла промокшие туфли, бросила сумку на пуфик. Посмотрела в зеркало, подмигнула себе. Настроение было отличное. Успею приготовить курицу в духовке, а ещё можно и вино купить. Устроить мини-романтический ужин. Всё-таки пятница.

Мой взгляд привлекли ключи от «Мерседеса» с брелоком из белой кожи, которые лежали тумбочке.

Это были мамины ключи.

Я замерла. Принюхалась.

В воздухе висел сладкий запах с нотами пачули и розы.

Этот запах я точно не спутала бы ни с чьим. Мама обожала выливать на себя полфлакона перед выходом.

Я прошла дальше.

На кухонном столе сиротливо стояли две грязные кофейные чашки.

Я сделала шаг по коридору. Дверь в спальню была приоткрыта.

Сначала я услышала звук. Тихий, ритмичный скрип нашей старой кровати.

Вдох. И низкий, хриплый мужской стон.

Голос моего мужа. Мужчины, которого я любила до одури.

Я подошла ближе. В щель между дверью и косяком было видно отражение в зеркале платяного шкафа.

Моя кровать. Моё постельное бельё в мелкий цветок.

Илья лежал на спине, запрокинув голову.

А сверху на нём была моя мать.

На ней не было одежды. Только рассыпанные по плечам светлые волосы с идеальной салонной укладкой.

Её руки, украшенные тяжёлыми золотыми браслетами, упирались в грудь Ильи.

Она двигалась уверенно, неспешно, с ленивой грацией.

– ...хорошо, – выдохнул Илья, открывая глаза.

Я стояла и смотрела на это отражение, чувствуя, как у меня внутри всё не просто рушится, а сгорает заживо.

Когда мы женились три года назад, мама закатила грандиозный скандал.

Она кричала, что Илья – нищий, что он сломает мне жизнь, что я достойна большего, что я буду жить в съёмном жилье лет двадцать. Замуж выходить надо за состоятельного мужчину. Она брезгливо морщилась, глядя на его спортивные костюмы, обзывала гопником.

А теперь этот «гопник» сжимал её бёдра, и она податливо выгибалась навстречу его рукам.

Я думала, что мой мир рухнет. Что я закричу, ворвусь в комнату, начну бить их по лицам.

Но шок оказался настолько сильным, что я продолжала смотреть на них. Я никак не могла поверить, что... мой муж... сейчас... с моей мамой.

Я просто фиксировала детали. Часы на запястье мужа – мой подарок. Сползшее на пол мамино лёгкое весеннее пальто. Её красная помада, смазавшаяся на шее Ильи.

Они не шептались, не смеялись. Они были полностью поглощены друг другом. Днём, в моей постели. И по тому, как слаженно и уверенно они двигались, по тому, как Илья привычно касался её плеч – это явно была не первая их встреча.

Я смотрела на них ещё несколько секунд.

Потом медленно отступила назад.

сейчас я бы не смогла выдавить из себя ни единого звука.

Я вернулась в прихожую. Обула туфли, взяла сумку.

Открыла входную дверь, вышла на лестничную клетку и бесшумно закрыла ее за собой.

Только оказавшись на улице я позволила себе сделать первый судорожный вдох.

Воздух царапал горло. Раскрыла зонт и пошла, не разбирая дороги.

Капли барабанили по тонкой непромокаемой ткани, в небе полыхнула молния, но мне было всё равно.

Что мне теперь делать? Куда идти?

Ощущение было, что у меня украли не просто мужа. У меня только что украли всю мою жизнь, выпотрошили её и оставили меня стоять под дождём ни с чем.

У меня был папа. Добрый, понимающий, он бы принял меня прямо сейчас, без лишних вопросов напоил горячим чаем. Но приехать к нему означало бы рассказать всё. Произнести это вслух.

«Папа, мой муж спит с моей мамой».

Эти слова казались настолько грязными, невысказанными, что я физически не могла их выговорить. Не сейчас.

Пока я не произнесла их вслух, оставалась крошечная, безумная иллюзия, что всё это – просто морок.

Болезненная галлюцинация. Мне просто нужно было побыть одной, чтобы дышать.

Я добрела до старого городского парка.

Спряталась под козырьком пустой летней эстрады, обхватив себя руками за плечи, и стала смотреть, как дождь пузырится в серых лужах на асфальте.

В кармане завибрировал телефон.

На экране высветилось: «Мама».

Глава 2

Телефон продолжал вибрировать в ладони. На залитом дождём экране светилась фотография мамы.

Она не любила, когда её называли мамой на людях. «Вероника» – так было правильно. На фото она смеялась, откинув назад идеальные светлые волосы, в безупречном льняном костюме где-то на веранде дорогого ресторана. Ни единой морщинки, ни единого изъяна.

Я не сбрасывала вызов. Просто смотрела на это лицо, чувствуя, как внутри ворочается что-то холодное и тошнотворное.

Сейчас ей сорок четыре, и выглядит она потрясающе.

А мне двадцать шесть.

Именно столько было ей, когда она развелась с моим отцом. Мне тогда было восемь, и я помню, как она собирала чемоданы – стремительно, зло, словно сбрасывала старую кожу.

«Я потратила на вас лучшие годы! – кричала она тогда. – Родить в восемнадцать было моей самой большой ошибкой. Выйти за твоего отца – второй!»

С того дня она словно вздохнула полной грудью. Поверила в себя. Она строила бизнес, открывала салоны, самосовершенствовалась с пугающей одержимостью. Вылепила идеальную женщину, на которую оборачивались мужчины. Фитнес три раза в неделю, йога, лучшие косметологи.

А я... я всё время пыталась угнаться за ней, но никогда не могла. В подростковом возрасте я примеряла её туфли, пыталась краситься, но рядом с ней всё равно выглядела как серая мышь рядом с породистой кошкой. А потом я просто сдалась. Выбрала краски, тишину школьных коридоров и свои уютные свитера.

У неё была куча любовников. Владельцы автосалонов, рестораторы, чиновники. Они менялись, дарили ей дорогие подарки, возили на курорты.

Так почему Илья?

От этой мысли было плохо, хотелось выть, но я молчала, будто в горле образовалась чёрная дыра, которая поглощала все звуки.

Илья был обычным менеджером по продажам. Парень, который носил спортивные костюмы по выходным, пил дешёвое пиво под футбол и смеялся слишком громко, тягал штангу во дворе с ребятами, потому что на тренажёрный зал, не хватало денег.

Она же его ненавидела.

«Он тянет тебя на дно, Алина. Он же натуральный гонимик. Посмотри на его обувь, посмотри на его манеры! Ты будешь всю жизнь считать копейки от зарплаты до зарплаты», – её брезгливый тон до сих пор стоял в ушах.

Каждый семейный ужин превращался в пытку. Мама отпускала ядовитые шпильки, а Илья злился, краснел пятнами и потом полночи курил на балконе, жалуясь, что она – «стерва с раздутым эго».

Они же терпеть не могли друг друга.

Или... это была игра?

В животе скрутился ледяной узел.

Как долго они спали за моей спиной? Месяц? Полгода? Может, все три года нашего брака?

Перед глазами снова вспыхнула картинка из спальни. То, как уверено её руки с тяжёлыми золотыми браслетами упирались в его грудь. То, как он выдыхал, глядя на неё с обожанием.

Там не было неловкости первого раза. Там была жадная, слаженная привычка.

Я зажмурилась до цветных пятен, пытаясь стереть это из памяти.

Как он мог?

Мы же планировали ребёнка. Мы копили на ипотеку. Ещё вчера вечером я массировала ему плечи, а он целовал мои пальцы.

Меня просто предали. Вышвырнули за борт, даже не удосужившись объяснить, почему.

Будто я бесчувственная вещь, старая мебель, которую можно сдвинуть в угол, чтобы освободить место для чего-то более интересного.

И кто?

Два самых близких человека. Мужчина, которому я отдала своё сердце, и женщина, которая дала мне жизнь.

Дождь за козырьком эстрады усилился, превращаясь в сплошную серую стену.

Стало холодно. Влажный майский воздух пробирал до костей.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз на экране высветилось: «Илюша».

Палец завис над красной кнопкой. Сердце сделало болезненный, судорожный рывок.

Что он скажет, если я отвечу?

«Алина, ты где? Я пришёл пораньше, а тебя нет»?

Меня затошнило от отвращения.

Я не сбросила. Я снова смотрела, как мигает его имя, пока вызов не оборвался сам.

Мысли крутились по кругу, натываясь на одну и ту же стену: я не могу вернуться домой. Потому что если я сейчас увижу их, то расплачусь. А выглядеть перед ней слабой мне не позволяло достоинство, которое у меня ещё, к счастью, сохранилось.

Я снова попыталась раскрыть зонт, но пальцы так сильно дрожали, что кнопка никак не поддавалась.

Хватит. Мне нужно успокоиться. Нужно взять себя в руки, вернуться туда и сказать всё в лицо. Высказать, собрать вещи и уйти навсегда.

Жить с Ильёй после этого я не смогу. Не только из-за самого факта измены – хотя одно это уже уничтожило наш брак. Но из-за того, с кемон это сделал.

Он же знал. Он всё знал.

Я столько раз плакала у него на плече после маминих звонков. Я рассказывала ему, как она умеет ранить одним словом, как обесценивает всё, что я делаю. Он гладил меня по волосам, целовал в висок и шептал, что я самая лучшая, а она просто холодная, заносчивая стерва.

Он знал, как мне больно. И всё равно лёг с ней в нашу кровать. Это не просто измена. Это удар ножом в спину от человека, который знал все мои уязвимые места.

Металлический механизм зонта, наконец, щёлкнул и поддался, раскрывая надо мной чёрный купол.

Я шагнула из-под козырька под холодные струи. План был простым и чётким: дойти до дежурной аптеки на углу, купить успокоительное и вернуться в квартиру, чтобы высказать двум предателям всё, что я о них думаю.

Глава 3

Я толкнула стеклянную дверь аптеки. Внутри пахло корвалолом, а от резкого света люминесцентных ламп резало глаза. Купила пачку Афобазола, бутылку воды без газа и прямо там, у витрины с витаминами, выдавила на ладонь сразу три маленькие белые таблетки. Проглотила их, едва не подавившись.

Обратный путь до дома я помнила смутно. Ноги передвигались механически. Таблетки, конечно, ещё не подействовали, но внутри меня будто что-то щёлкнуло. На смену дрожи и панике приходил звенящий, обжигающий холод.

Я поднялась на свой этаж. Достала ключи. Замок поддался бесшумно.

В прихожей всё было так же: мамины ключи от «Мерседеса» на тумбочке, мои брошенные туфли. Только теперь из кухни доносились голоса. Тихие, будничные.

Я сняла мокрую куртку, повесила её на крючок и сделала шаг вперёд.

Они сидели за нашим столом. Уже одетые.

Илья был в домашних спортивных штанах и футболке, Вероника – в своём безупречном льняном костюме, застёгнутом на все пуговицы. Ни одна прядь её волос не выбилась из укладки. Если бы я не видела того, что происходило в спальне полчаса назад, я бы подумала, что мама просто заехала в гости на чашку кофе.

Они обернулись одновременно, когда я вошла на кухню.

Илья вздрогнул, едва выронив чашку.

Вероника же просто скользнула по мне своим фирменным оценивающим взглядом. Сверху вниз. Задержалась на моих мокрых, спутанных волосах, на растянутом свитере, на покрасневшем от холода носу.

Её губы недовольно сжались.

– Боже, во что ты одета, Алина? – протянула она своим привычным, брезгливым тоном. – Ты похожа на мокрую курицу. Тебе двадцать шесть, а выглядишь так, будто подрабатываешь дворником. Неудивительно, что...

Она не договорила, но мне и не нужно было.

Именно в этот момент ледяной узел внутри меня развязался.

Я медленно подошла к столу.

– Неудивительно, что мой муж предпочитает спать с моей матерью? – мой голос прозвучал так ровно и тихо, что я даже сама удивилась.

Повисла мёртвая тишина. Слышно было только, как за окном барабанит дождь.

Илья дёрнулся, стул под ним скрипнул, но он промолчал, опустив глаза.

Вероника же (язык не поворачивался назвать её мамой) даже не моргнула. Она поправила манжету своего пиджака и снисходительно вздохнула.

– Ты о чём? – почти ласково спросила она. – Я не понимаю тебя, Алина. Что за дикие фантазии? Я заехала провести вас, привезла кофе, который любит Илья. Вы его себе позволить не можете, слишком дорогой. Спасибо бы сказала. Илья только что вернулся с работы...

– То есть, полчаса назад в нашей спальне вы не кувыркались? – я слегка наклонила голову. – и мне всё привиделось? И ваши стоны тоже? И как ты вжималась в него на нашей кровати – это просто игра воображения?

Вероника закатила глаза и повернулась к Илье, который сидел, вжав голову в плечи.

– Илья, у неё галлюцинации. Ты понимаешь, что она несёт?

Илья молчал. Он просто смотрел ей в глаза и молчал. Трусливый, жалкий кусок дерьма. Он даже сейчас, будучи пойманным, предпочитал отсидеться за спиной женщины, предоставляя ей самой всё разруливать.

– Илья, – голос матери стал резче. – Скажи своей жене, что у неё паранойя.

Я перевела взгляд на мужа.

– Скажи, Илюш. Давай. Посмотри мне в глаза и скажи, что я сумасшедшая. Что я не видела, как она стонала под тобой.

Илья шумно сглотнул. Капля пота скатилась по его виску. Он приоткрыл рот, попытался что-то выдать, но под моим взглядом осёкся.

– Аля... – он, наконец, поднял на меня глаза. – Это... это была ошибка.

Вероника резко выдохнула, её ноздри раздулись. Она поняла, что Илья только что всё сдал, и её блестящий план с газлайтингом рухнул.

– Ошибка? – я усмехнулась. Губы слушались с трудом. – Ошибка – это когда забывают купить хлеб. А когда ты спишь с моей матерью, пока я на работе – это выбор. Твой и её.

Я снова посмотрела на мать.

– Знаешь, Вероника, – впервые в жизни я назвала её так прямо в лицо. – Я всегда думала, что ты просто холодная и амбициозная. Я всегда пыталась дотянуться до тебя, заслужить твоё одобрение. А ты оказалась просто грязной и невоспитанной. Ты годами вдалбливала мне, что он ничтожество. Что он гопник. А сама раздвинула перед ним ноги. Тебе самой от себя не тошно?

– Не смей так со мной разговаривать! – она резко поднялась из-за стола, маска невозмутимости слетела, обнажив хищный оскал. – Если бы ты следила за собой, если бы ты была нормальной женщиной, а не серой мышью в безразмерных тряпках, твой муж не искал бы кого-то на стороне! Ты сама во всём виновата, Алина. Ты скучная в постели и в жизни!

Я смотрела на неё и не узнавала. Или, наоборот, впервые видела её настоящей.

Удивительно, но мне больше не было больно. То ли афобазол сделал своё дело, то ли моя психика окончательно включила защитный блок.

– Возможно, я скучная, – спокойно кивнула я. – Но главное, что не шлюха.

Раздался звонкий хлопок – Вероника вlepила мне пощёчину. Щеку обожгло огнём.

– Аля! Вероника, ты что творишь?! – Илья вскочил, наконец-то подав голос, и бросился между нами.

Я медленно повернула голову. Щека горела, но я даже не притронулась к ней. Я посмотрела на них обоих – на женщину, которая меня родила, и на мужчину, которого я любила. Жалкие. Бессовестные.

– У вас есть пятнадцать минут, чтобы убраться из этой квартиры, – сказала я тихо. – Оба.

– Аля, это моя квартира, мы её вместе снимаем... – начал было Илья, но я перебила его, шагнув к нему вплотную.

– Если через пятнадцать минут вас здесь не будет, я позвоню твоим родителям и расскажу в подробностях, с кем ты кувыркаешься в рабочее время. Ты меня понял?

Илья сглотнул. Он никогда не видел меня такой.

Он привык к Алине, которая заваривает чай, массирует плечи и всё прощает.

Я развернулась и пошла в прихожую.

Достала из шкафа большую дорожную сумку Ильи и швырнула её на пол в коридоре.

– Время пошло.

Я прислонилась спиной к входной двери и сложила руки на груди.

– Какая же ты неблагодарная, Алина, – процедила она, глядя на меня сверху вниз. – Я тебя родила. Воспитала. Дала тебе всё, чтобы ты выросла нормальным человеком. А в итоге смотрю на тебя и поражаюсь: как у меня вообще могла родиться такая, как ты? Назвать меня шлюхой. Это только неблагодарный человек может сделать.

Она покачала головой, словно разглядывая бракованную вещь.

– Ты просто недостойна называться моей дочерью.

Илья выглянул из кухни, но тут же спрятался обратно, как побитый пёс.

– Прекрасно, – кивнула я. – Значит, теперь я тебе не дочь.

Вероника слегка прищурилась, не ожидая такого спокойствия.

– Потому что мне тоже такая мать не нужна, – отрезала я, не отводя взгляда. – Ключи от квартиры и пошла вон.

Её лицо на мгновение окаменело. Она демонстративно вытащила из кармашка сумочки связку наших ключей и бросила их на стол с такой силой, что они отлетели к стене.

– Посмотрим, как ты запоешь, когда останешься совсем одна и без денег, – бросила она напоследок.

Она распахнула дверь и шагнула на лестничную клетку, обдав меня шлейфом своих дорогих французских духов.

Я осталась стоять, не двигаясь.

Из комнаты показался Илья. Он выглядел помятым, сутулым, словно из него выпустили воздух. В руках он нервно мямл спортивную кофту.

Он посмотрел на валяющуюся на полу сумку, потом на меня.

– Аля... ну пожалуйста, – он сделал ко мне шаг. – Давай я останусь. Я лягу на диване в гостиной. Нам нужно остыть и поговорить. Ты же сейчас на эмоциях...

– Десять минут, Илья.

– Аля, ну куда я сейчас пойду? – он попытался надавить на жалость. – Дождь на улице. И вещи... как я всё соберу за десять минут?

– А меня это не волнует. Можешь, попросить свою любовницу, чтобы она к себе пустила. Расплатишься с ней натурой. у тебя это отлично получается!

Глава 4

Илья помрачнел, скулы напряглись. Он не злился.

– Аля, не надо так. Я с ней жить не собираюсь, – он сделал ко мне шаг, глядя виновато.

– Я люблю тебя. Слышишь?

Я смотрела на него и чувствовала только пустоту.

– Я не понимаю, как ты мог, – медленно, разделяя каждое слово, произнесла я. – Не понимаю. И не пойму. Неужели она лучше, чем я? Ты же слышал все мои рассказы о моей матери. Ты видел, как мне было больно после каждой встречи с ней. Ты сам говорил, какая она сука, как она надо мной издевается... И в итоге решил переспать с ней?

Илья тяжело выдохнул, запустив пятерню в волосы.

– Аля, я клянусь, я сам не понимаю, как так получилось. Это было какое-то затмение. Мы просто ругались с ней. Она приехала, с порога начала меня цеплять. В очередной раз начала меня обзывать, говорить, что я неудачник, что я тебе жизнь порчу...

Он сглотнул, отведя взгляд в сторону.

– Я не выдержал. Вzbесился. Хотел выставить её за дверь. Схватил за руку, потащил в коридор, а она... она вдруг перестала вырываться. И поцеловала меня. Сама.

Я слегка наклонила голову, разглядывая его, всё ещё не веря что он, вот он мог спать с моей матерью.

– И в тебе разыграло мужское эго?

– Наверное... – глухо отозвался Илья. – Я просто... захотел ей отомстить за всё. За все эти слова, за то, как она всегда на меня смотрела сверху вниз. Понимаешь? Хотел показать, что я мужик, а не пустое место.

– Странный способ у тебя мести, – перебила я. Мой тон был холоднее льда. – Через удовольствие. Стонал ты там, на нашей кровати, видимо, тоже от жажды мести.

Илья скрипнул зубами.

– Я облажался, – согласился он, глядя мне прямо в глаза. – Прости меня. Если сможешь.

– Пять минут, Илья. Уходи.

Он кивнул, молча подхватил свою сумку с пола, перекинул через плечо.

– Я завтра приду. Поговорим.

– Нам больше не о чем говорить, – бросила я ему спину.

Входная дверь щёлкнула.

Я осталась одна. Повернула замок на два оборота, и в этот момент тишина обрушилась на мои плечи.

Сделала глубокий вдох и тут же закашлялась. Воздух казался отравленным.

Здесь всё ещё стоял удушливый запах её французских духов.

Мой взгляд невольно метнулся в сторону приоткрытой двери спальни, где виднелся край смятой постели, и к горлу мгновенно подкатила тошнота.

Я решительным шагом направилась в спальню. Сорвала покрывало, сдёрнула простыню, наволочки, пододеяльник – всё, к чему прикасались их тела.

Сгребла этот мерзкий ком, от которого несло чужой похотью, и понесла в ванную.

Швырнула в ванную. Распахнула шкафчик под раковиной, выхватила бутылку «Белизны», скрутила крышку и щедро, не жалея, залила ткань густой жидкостью и залила.

Резкий, едкий запах хлорки ударил в нос, выжигая тошнотворный сладковатый аромат маминого парфюма. Так-то лучше.

Но в квартире всё ещё пахло *ею*. Мне хотелось вытравить её дух из каждого угла, выморозить его, чтобы здесь больше никогда ничем подобным не пахло.

Я бросилась в гостиную и распахнула настежь створку окна. Затем на кухню. Ветер тут же ворвался внутрь, швыряя на пол холодные капли.

Я выскочила на балкон и сдвинула стеклянные рамы в стороны. Майский ливень шумел сплошной стеной.

Я жадно втянула носом ледяной, влажный воздух. Дождь залетал на балкон, оседая на пушистом коврикe, но я даже не думала уходить.

Я обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь, которая колотила меня изнутри.

Порыв ветра принёс терпкий запах табачного дыма.

Я поморщилась от едкого запаха и повернула голову.

На соседнем балконе, отделённом от моего лишь невысокой перегородкой, стоял мужчина.

Макар. Наш сосед.

Главный герой дворовых легенд и любимый объект пересудов у бабушек на лавочке.

Если верить их слухам, он каждую ночь таскал к себе новых баб, состоял в какой-то мутной группировке, а на прошлой неделе якобы зашиб пьяного соседа с третьего этажа просто за то, что тот не так на него посмотрел.

Не знаю, сколько в этом было правды, но выглядел Макар так, что проверять не хотелось.

Несмотря на ледяной ветер и хлещущий дождь, он стоял на открытом балконе в одних только серых спортивных штанах, низко сидящих на бёдрах. Широкая грудная клетка, рельефные мышцы.

Он опирался локтями о мокрые перила и невозмутимо курил, совершенно не обращая внимания на холод.

Заметив меня, он медленно повернул голову. Скользнул взглядом по моему лицу, расчёпанным волосам.

Он сделал затяжку, не сводя с меня глаз, выпустил дым в сторону дождя и произнес своим низким, чуть хрипловатым голосом:

– Отличная погода для проветривания. Идеальная, чтобы схватить воспаление лёгких.

– Воспаление лёгких лечится, – равнодушно отозвалась я, глядя сквозь пелену дождя. – В отличие от некоторых других вещей.

Макар хмыкнул, стряхивая пепел за перила.

– Это да. А вот отсутствие мозгов – нет. Стены у нас, Алина, картонные. Так что если ты решила заморозить себя насмерть назло бывшему мужу, то план – дерьмо.

Я вздрогнула. Не от ледяного ветра. От того, что он, скорее всего, слышал весь наш скандал.

Слышал, как я выгоняла собственную мать из нашей квартиры. Мне стало на секунду стыдно, а хотя какая теперь разница? Пусть хоть весь дом знает. Мне плевать.

– Я не назло, – тихо ответила я, глядя на мокрый асфальт вниз. – Мне просто нужно было... проветрить.

– А хлоркой на весь этаж разит тоже для свежести? – он прищурился сквозь сизый дым.

– Типа того. Вытравливаю заразу.

Он замолчал, внимательно изучая меня. Взгляд у него был тяжёлый, сканирующий. Под таким взглядом обычно хочется съёжиться или оправдаться, но мне сейчас было всё равно. Хоть под дулом пистолета стой – эмоций ноль.

Макар сделал последнюю затяжку, затушил окурок в жестяной банке, стоявшей на подоконнике, и бросил коротко:

– Жди. Сейчас приду.

– Что? – не поняла я, но он уже зашёл в квартиру.

Глава 5

Я растерянно моргнула, глядя на опустевший соседний балкон.

«Сейчас приду»? Куда он придёт? Ко мне, что ли?

Эта мысль на мгновение пробилась сквозь оцепенение. Я инстинктивно запахла кофту и поёжилась. Встречать сейчас гостей, тем более таких сомнительных, как Макар, в мои планы не входило.

Но уйти с балкона, закрыть окна и вернуться в квартиру, где ещё витал этот мерзкий запах, я не могла.

Через минуту в коридоре раздался резкий звонок в дверь.

Я развернулась, прошла через стылую кухню и направилась к входной двери.

Резко повернула замок и распахнула дверь.

На пороге стоял Макар.

Он уже успел натянуть тёмную футболку, которая плотно облегла его широкие плечи, а в руке держал пластиковый кейс.

– Отойди, – коротко скомандовал он.

Я замерла, вцепившись в ручку двери.

– Зачем? – спросила я настороженно.

Макар не стал объяснять. Он просто шагнул вперёд, вынуждая меня отступить, иначе мы бы столкнулись.

– Я вас не приглашала! – возмутилась я, когда он уже оказался в коридоре.

– Я сам пришёл, – невозмутимо бросил он, опуская кейс на пол. Щёлкнули застёжки. – Ключи давай.

– Какие ключи? Вы что делаете?

Макар выпрямился. В руке он держал отвёртку.

– Личинку замка меняю. Ключи свои давай, чтобы я по размеру подобрал. У меня пара запасных сердцевин валяется.

Я опешила.

– Зачем менять замок?

Он посмотрел на меня с таким выражением, словно я тупая как пробка.

– Алина, ты дура или притворяешься? – его низкий голос звучал без капли сочувствия, чистое раздражение. – чтобы твой муж не вернулся. Поскулит под дверью, расскажет, что всё осознал и полезет обратно на кровать. А если непустишь – сам откроет, когда тебя дома не будет.

– Я... я не пушу. И он не посмеет...

– Посмеет, – отрезал Макар. – Квартира чья? Съёмная?

– Да.

– Вот именно. Значит, ключей у него быть не должно. Давай свои, не стой столбом. Хозяину потом скажешь что замок сломался.

Его властный, жёсткий тон парализовал волю. Я привыкла к Илье, который всегда разговаривал со мной спокойно и без приказов. Этот же мужчина просто брал и делал то, что хотел.

Но я послушно полезла в карман джинсов, достала связку и протянула ему. Если помощь предлагают глупо отказываться.

Макар взял ключи, примерил их к одной из новых сердцевин, кивнул самому себе и подошёл к двери.

– Иди вылей уже эту хлорку, – бросил он через плечо, начав раскручивать винты на замке.

– Это моя квартира, – я попыталась огрызнуться.

– Хлоркой несёт так, что у меня глаза режет. Вытравила уже всё, что могла. Если не хочешь себе лёгкие сжечь, иди выливай.

Он говорил грубо, без грамма жалости или деликатности. Не лез с сочувствием, не спрашивал, как я себя чувствую, не смотрел на меня как на жертву.

Я не стала с ним больше спорить. Молча развернулась и пошла в ванную.

Запах там стоял действительно невыносимый. Аж глаза заслезились. Я нагнулась над ванной, вытащила пробку и включила холодную воду на полную мощность. Вода с шумом ударила по мокрой ткани, смывая ядовитую пену.

Пока я выжимала тяжёлое, пропитанное водой и хлоркой постельное бельё, чтобы закинуть его в стиральную машину, в коридоре раздавались методичные металлические щелчки, скрежет и негромкие ругательства сквозь зубы. Макар работал быстро и уверенно.

Я забросила ком белья в барабан, захлопнула дверцу, нажала кнопку старта и прислонилась лбом к прохладному кафелю стены. Внутри всё ещё было погано, но истерика, которая подкатывала к горлу там, на балконе, отступила.

Когда я вышла в коридор, Макар уже собирал инструменты в свой пластиковый кейс.

– Готово, – сказал он, выпрямляясь и протягивая мне связку ключей. На кольце висело три новых, блестящих металлических жала. – Старую личинку я забрал, выкину.

– Спасибо, – ответила я, забирая ключи.

Он кивнул, подхватил кейс и поморщился.

– Собирайся.

Я нахмурилась.

– Куда собираться?

– Ко мне пойдёшь. Сегодня переночуешь у меня.

Я отступила на шаг, машинально сжимая ключи в кулаке.

– Зачем это? Я никуда не пойду.

– Алина, у тебя тут дышать нечем, – он смерил меня тяжёлым взглядом. – Я не хочу завтра узнать, что ты тут задохнулась от паров хлорки. Мне ещё не хватало на твои похороны скидываться.

Я нервно хохотнула.

– Да с чего вы вообще взяли, что я угорю и умру? Первый раз, думаете, в белизне одежду замачиваю?

– Думаю, не первый, – невозмутимо парировал Макар. – Но в таком количестве и в таком состоянии – первый. К тому же ты все окна распахнула, у тебя холодина собачья. Пока всё выветрится, пока квартира нагреется, ты точно воспаление подхватишь. Идём ко мне, я тебя хотя бы чаем напою. Стоишь, трясешься, зуб на зуб не попадает.

Я хотела возмутиться, сказать, что я не тряусь, но предательская дрожь действительно пробивала тело.

Я оглянулась на пустой коридор, на приоткрытую дверь спальни. Оставаться здесь наедине со своими мыслями, было страшно.

Но идти к соседу, о котором ходят такие слухи...

– Вы же понимаете, как это выглядит? – пробормотала я, обхватив себя за плечи. – Я пойду к вам, а завтра бабушки на лавочке расскажут всему дому, что...

– Мне плевать, что они расскажут, – жёстко перебил Макар. – А тебе сейчас должно быть плевать вдвойне. У меня два дивана, спать будешь в гостиной. Чай и плед я обеспечу. Могу ещё жилетку предоставить, чтобы выплакалась. Разовая акция, кстати. Утром вернёшься в свою проветренную квартиру и будешь думать, как жить дальше.

Он потянулся к ручке двери, открыл её и кивнул на лестничную клетку.

– Выходи.

Его уверенность снова сработала. Я сдалась. В конце концов, что мне терять в этот проклятый день?

– Хорошо, – выдохнула я. – Только возьму телефон и...

– Возьми сменную одежду, если хочешь спать не в джинсах, – подсказал он. – Жду в коридоре.

Я быстро прошла в спальню, стараясь не смотреть на голый матрас, вытащила из шкафа чистую футболку и домашние штаны. Захватила зарядку от телефона и зубную щётку из ванной.

Когда я вышла, Макар молча кивнул, пропустил меня вперёд и сам запер мою дверь новыми ключами.

Он открыл свою квартиру, зашёл первым и щёлкнул выключателем.

– Проходи, – он кинул ключи на тумбочку. – Ванная прямо. Гостиная налево. Чайник я сейчас поставлю.

Я неуверенно переступила порог.

Глава 6

В квартире Макара пахло не табаком, как можно было бы ожидать, а свежесваренным кофе и почему-то хвоей. Обстановка оказалась неожиданно лаконичной: никаких разбросанных вещей, всё строго, чисто и как-то по-мужски пустовато. Серые обои, тёмный ламинат, минимум мебели.

Я сняла мокрые кроссовки, стараясь не наступать мимо коврика. Макар повесил на крючок куртку, свою толстовку и махнул рукой в сторону коридора.

– Полотенца в ванной чистые, синие. Умойся, если хочешь. Переоденься.

Я кивнула, крепче прижимая к себе скомканные вещи, и юркнула в ванную.

Там было так же стерильно чисто. Я умылась холодной водой, переоделась в сухую футболку и мягкие домашние штаны. Стянула влажные от дождя волосы в небрежный пучок.

В зеркале отразилось бледное лицо с мешками под глазами. Выглядела я, мягко говоря, паршиво. Но сейчас это волновало меньше всего.

Когда я вышла в коридор, из кухни доносился шум закипающего чайника и звон посуды. Я робко заглянула туда.

Макар стоял спиной ко мне, доставая из навесного шкафчика кружки.

– Садись, – он обернулся, ставя кружки на стол. – Голодная?

– Нет, – я покачала головой, чувствуя, как от одного упоминания о еде к горлу снова подкатывает тошнота. – Спасибо. Только чай.

Я села на край стула, сложив руки на коленях. Макар бросил в кружки пакетики с заваркой, залил кипятком и поставил одну передо мной. Рядом опустилась сахарница.

– Сахар сама положишь.

Он сел напротив, обхватив свою кружку большими ладонями. Вблизи его лицо казалось ещё более суровым. Резкие черты, пронзительный взгляд тёмных глаз, лёгкая небритость. Бабушки на лавочке определённо знали толк в фактурных злодеях.

Но этот «злодей» только что поменял мне замок и пустил к себе ночевать, спасая от холода и одиночества в провонявшей хлоркой квартире.

– Значит, жилетка – это розовая акция? – неожиданно для самой себя произнесла я, глядя в тёмную гладь чая.

Макар усмехнулся – коротко, одним уголком губ.

– Именно. Завтра карета превратится в тыкву, а я снова стану мрачным соседом-отморозком. Так что пользуйся моментом. Будешь реветь?

Я подняла на него взгляд.

– Не могу. Слез нет. Просто... пустота.

– Это нормально, – он сделал глоток чая. – Шок. Потом накроет. Завтра или послезавтра. Будешь выть в подушку, ненавидеть весь мир и хотеть сдохнуть. Главное – в этот момент не начать звонить ему и не слушать его сказки.

– Он спал с моей матерью, Макар, – слова вырвались раньше, чем я успела их обдумать. Я впервые произнесла это вслух, и они прозвучали дико, противоестественно, словно речь шла о каком-то извращённом кино, а не о моей жизни.

Макар даже бровью не повёл. Видимо, картонные стены донесли до него всю суть нашей семейной драмы во всех подробностях.

– Бывает и хуже, – философски заметил он.

– Хуже? – я горько усмехнулась. – Куда уж хуже?

– Поверь, бывает, – отрезал он, и в его голосе проскользнула такая глухая, тяжёлая интонация, что я поняла – он не придумывает. – Ты жива. Здорова. Детей у вас, я так понимаю, общих нет?

– Нет.

– Отлично. Значит, делить нечего. Выкинешь его вещи, подашь на развод и начнёшь всё заново. Без балласта.

Его прямолинейность была как ледяной душ. Без сочувственных вздохов, без охов и ахов. Просто сухая констатация фактов и план действий.

– Легко сказать, – пробормотала я, обхватив кружку обеими руками. – Выкинешь вещи, подашь на развод... А как выкинуть из головы последние четыре года?

Макар откинулся на спинку стула. В тусклом свете кухонной лампы его лицо казалось высеченным из камня.

– Никак. Оставишь там же, где и всё остальное дерьмо, которое случается в жизни. В разделе «опыт».

Я горько усмехнулась.

– Хороший опыт. Теперь я знаю, что муж может променять меня на мою же мать. Потрясающе полезное знание.

– Зато теперь ты знаешь, чего они оба стоят, – парировал он, не поддаваясь на мою иронию. – Это лучше, чем узнать это через десять лет, когда у вас было бы двое детей и общая ипотека. Считаю, легко отделалась.

Я посмотрела на него. В его словах была безжалостная логика. Никакого утешения, никаких попыток сказать «всё будет хорошо».

– А вы? – вдруг спросила я, сама не ожидая от себя такой смелости. – Вы тоже так... У вас есть этот самый «опыт»?

Макар посмотрел на меня своим тяжёлым, немигающим взглядом. На секунду мне показалось, что он сейчас просто пошлёт меня подальше и отправит меня куда подальше.

Но он лишь хмыкнул и сделал глоток чая.

– Есть. Достаточно, чтобы понимать, о чём говорю.

– И как вы с этим справлялись? – я подалась вперёд, словно он действительно мог дать мне универсальный рецепт выживания.

– Работал, – коротко ответил он. – Много. Так, чтобы к вечеру сил хватало только до кровати доползти. Никакого алкоголя – он только разгоняет тоску. Никаких попыток всё вернуть или выяснить отношения. Отрезал и забыл.

– Просто отрезали? – я не верила. – Так не бывает. Нельзя просто выключить чувства рубильником.

– Не просто. Больно было, – он сказал. – Но гангрену лечат ампутацией, Алина. Если будешь жалеть гниющую конечность, сдохнешь сама. Твой муж и твоя мать – это гангрена. Ты сегодня отрезала. Сейчас у тебя шок, анестезия действует. Завтра начнётся фантомная боль.

Я поёжилась, представляя себе это «завтра».

– И долго она будет длиться? Эта боль?

Макар пожал плечами.

– У всех по-разному. Зависит от того, как быстро ты перестанешь ковырять рану.

– Я не хочу ковырять. Я вообще не хочу о них думать. Я хочу просто проснуться и понять, что это был кошмарный сон.

– Не проснёшься, – безжалостно продолжал он. – Это реальность. Придётся с ней жить. Я опустила взгляд в свою кружку. Тёмная жидкость уже остыла.

– А вы... – я запнулась, подбирая слова. Спрашивать о личном у человека, которого я знала только по дворовым сплетням, было рискованно. Но эта его глухая, ледяная отстранённость почему-то притягивала. – Бабушки у подъезда говорят, что вы... опасный человек. Что вы кого-то избили.

Макар даже бровью не повёл. Он медленно обвёл большим пальцем край своей кружки.

– Ну да, я и забыл, что бабушки у подъезда – это главный информационный портал, – ровно произнёс он. – И что ещё они говорят?

– Что вы в какой-то группировке. И что к вам каждую ночь... разные женщины приходят.

Я зажмурила один глаз, ожидая, что он сейчас разозлится или выставит меня за дверь. Но вместо этого Макар вдруг хохотнул. Это был скорее выдох, похожий на кашель, но напряжение в его плечах немного спало.

– Группировка, значит, – он покачал головой. – Фантазия у Нины Васильевны работает отлично.

– Так это неправда?

– Я работаю в службе безопасности. Охраняю объекты. А насчёт соседа с третьего этажа... – он сделал паузу, и его лицо снова стало непроницаемым. – Этот урод регулярно лупил свою жену. В тот день он перестарался, она выскочила в подъезд в крови. Я просто спустил его с лестницы. Сломал ему пару рёбер и объяснил, что если ещё раз услышу её крики, в следующий раз сломаю шею.

Я сглотнула.

– То есть вы спасатель женщин?

– Нет. Просто не люблю, когда обижают слабых.

– А... женщины? Насчёт женщин правда?

Макар посмотрел на меня в упор. В его глазах мелькнула лёгкая усмешка.

– А вот это, Алина, уже не твоё дело.

Я вспыхнула, чувствуя, как краска заливает щёки.

– Извините. Я не должна была спрашивать.

– Не должна была. Но спросила, – он допил свой чай и со стуком поставил кружку на стол. – Запомни одну вещь: меньше слушай, что говорят другие. Люди всегда видят только то, что хотят видеть.

Глава 7

Я промолчала, обдумывая его слова. В них была своя суровая правда. Наверное, я тоже слишком долго видела только то, что хотела видеть, игнорируя реальность.

– Хватит на сегодня философии, – Макар поднялся из-за стола, обрывая затянувшуюся паузу. – Завтра тебе понадобятся силы. Идём, покажу, где спать будешь.

Я послушно пошла за ним в гостиную. Здесь тоже был минимум мебели: большой кожаный диван, телевизор на стене и тяжёлые плотные шторы на окнах. На диване лежала подушка, застеленная чистой наволочкой, и лежал тёплый плед.

– Белья постельного нет, уж извини. Не держу гостевых комплектов, – сказал Макар. – Плед чистый. Если холодно будет, скажешь, дам ещё одеяло.

– Спасибо. Мне достаточно.

Он молча кивнул.

Утро встретило меня бледным светом, пробивающимся сквозь щель в плотных шторах. Я открыла глаза, не сразу понимая, где нахожусь. Серые обои, кожаный диван, и свежий запах кофе...

А потом я вспомнила про Илью и маму.

Я зажмурилась, чувствуя, как вчерашняя «анестезия» начинает отпускать, сменяясь тупой, ноющей болью где-то под рёбрами.

Собрав волю в кулак, я откинула плед и встала. В квартире было тихо. Я осторожно вышла в коридор – дверь в спальню Макара была приоткрыта, но его там не было. На кухне на столе стояла чистая кружка и неровно оторванный клочок бумаги с короткой запиской: *«Ушёл на смену. Дверь захлопнешь. Не раскисай».*

Я криво улыбнулась. Сурово, практично, в его стиле.

Быстро умывшись, я собрала свои вещи, вышла на лестничную клетку и захлопнула за собой дверь его квартиры.

Моя дверь поддавалась новым ключам легко и бесшумно. Внутри было холодно, но хотя бы запах хлорки почти выветрился. Я методично обошла все комнаты, закрывая наглухо окна. Майское солнце уже начало прогревать воздух на улице.

Открыв шкаф, я достала строгое тёмно-синее платье. Накинула сверху лёгкий бежевый тренч, собрала волосы в тугий узел. Лёгкий макияж, чтобы замазать синяки под глазами.

Сегодня у меня по расписанию четыре урока.

Дорога до школы прошла как в тумане. Я механически переставляла ноги, механически кивала консьержке, механически отвечала на приветствия коллег в учительской.

Первый урок был у пятого класса. Рисовали весенний пейзаж.

– Алина Сергеевна, а небо можно сделать фиолетовым? – звонко спросила Даша со второй парты, размазывая акварель по листу.

– Можно, Даш, – я заставила себя улыбнуться, глядя на её перепачканные краской пальцы. – В искусстве нет правил. Если ты видишь небо фиолетовым, значит, оно такое и есть.

Остальные уроки слились в одну бесконечную череду детских голосов, стука кисточек о непроливайки и запаха гуаши. Я держалась. Я просто делала свою работу, прячась за ней, как за бетонной стеной.

Только на большой перемене, когда я зашла в пустой класс и случайно бросила взгляд на свой телефон, сердце пропустило удар. На экране светилось двадцать три пропущенных от

мамы и пятнадцать от Ильи. Плюс с десятков сообщений, которые я даже не стала открывать. Макар был прав. Осада началась.

Я дрожащими пальцами зашла в настройки и заблокировала оба номера. Стену нужно строить прямо сейчас.

К концу четвёртого урока я чувствовала себя так, словно разгружала вагоны. Голова болела, ноги гудели. Хотелось только одного – добраться до дома, закрыться и лежать.

Я попрощалась с охранником, толкнула тяжёлую стеклянную дверь школы и вышла на крыльцо, щурясь от яркого майского солнца.

И замерла.

У самого основания ступеней стоял Илья. В белой рубашке, с уложенными волосами. И с огромным, нелепым букетом розовых роз в руках.

Мой шаг сбился. Сердце ухнуло куда-то вниз, а потом забило с бешеной скоростью.

Илья заметил меня. Его лицо тут же приняло виноватое выражение. Он шагнул мне навстречу, протягивая букет из розовых роз.

– Алин... – начал он мягко.

– Не надо, – я резко отступила, пряча руки в карманы тренча, игнорируя букет. – Не надо было приходить, Илья. Уходи.

Я обогнула его по широкой дуге, спустилась по ступеням и быстро зашагала по аллее, ведущей от школы к проспекту.

– Алин, подожди! – он в два шага догнал меня, пристраиваясь рядом. – Пожалуйста, выслушай меня.

Я ускорила шаг.

– Я всю ночь не спал. Думал, – продолжил Илья, не отставая ни на шаг. Розы шуршали обёрткой при каждом его движении. – Я знаю, что поступил паршиво. Я это понимаю, Алин, правда понимаю. Я виноват. Прости меня. Пожалуйста, прости.

Я резко остановилась, развернувшись к нему так неожиданно, что он едва не налетел на меня.

– Не надо просить прощения, – я неожиданно громко рявкнула. – Я всё равно не прощу. Ты что думаешь, я могу просто взять и стереть из памяти то, что видела вчера на своей кровати?!

Илья нервно оглянулся на школьный двор, где стайками толпились старшеклассники.

– Но ты же можешь попытаться, – он понизил голос, подаваясь ко мне. – Ради нас, Алин. Мы же семья.

– Какого «нас»? Нас уже нет. Нас нет с того самого момента, как ты стал спать с моей матерью!

– Да тише ты, не ори! – он зашипел, воровато озираясь по сторонам, и попытался схватить меня за локоть. – Не обязательно всем об этом сообщать!

Я с брезгливостью выдернула руку.

– Какой же ты мерзкий, – с отвращением произнесла я. – Ты даже сейчас боишься только того, что люди узнают, какой ты на самом деле.

Развернувшись, я направилась к дому.

– Алина! – Илья снова догнал меня. – Послушай, это была ошибка! Глупость! Я люблю только тебя, слышишь? Мне кроме тебя никто не нужен!

Он шёл за мной всю дорогу. Всю дорогу он лил мне в уши сладкую ложь, рассказывая, как его попутал бес, как он запутался, как он не может без меня жить. Слова, которые раньше заставили бы меня растаять, сейчас вызывали лишь тошноту.

Я не отвечала. Я просто шла, глядя прямо перед собой, мечтая только о том, чтобы поскорее оказаться за закрытой дверью.

Мы дошли до двора. Я остановилась у подъезда, доставая магнитный ключ. Илья встал между мной и дверью, преграждая путь.

– Алин, ну не молчи. Давай поговорим нормально. Пусти меня, мы всё обсудим, – он снова попытался взять меня за руку, заглядывая в глаза со своим фирменным жалобным прищуром.

– Мне всё равно, – ровно произнесла я, глядя сквозь него.

– Что? – Илья растерянно моргнул.

– Всё, Илья. Всё. У меня нет к тебе больше никаких чувств. Вообще. Никаких.

Он недоверчиво усмехнулся.

– Но так же не бывает. Вчера ты...

– Представь себе, бывает, – отрезала я. – Отойди от двери.

Илья покачал головой.

– Я не отпущу тебя. Потому что у меня ничего не пропало. Я люблю тебя и буду бороться за нас, раз ты опустила руки.

Глава 8

«Бороться?» От этой фразы меня передёрнуло. Надо же, как быстро он перевернул всё с ног на голову.

– Опустила руки? – медленно повторила я, поражаясь его изворотливости. – То есть ты кувыркался с моей матерью, а разрушила семью я, потому что не хочу это радостно проглатывать?

Илья моргнул, явно не ожидая, что привычный сценарий даст сбой. Его лицо начало терять умильное выражение, сменяясь раздражением.

– Ты всё перекручиваешь! Я оступился. Дай мне шанс доказать...

Он сделал шаг вперёд и жёстко ухватил меня за запястье, дёрнув на себя.

– Отпусти! – я попыталась вырваться, но он сжал пальцы сильнее.

– Мы сейчас поднимемся наверх и нормально поговорим, без истерик, – процедил он, теряя остатки своего глянцевого фасада.

– Руку убери.

Глухой, тяжёлый голос прозвучал откуда-то сбоку.

Мы оба вздрогнули. Илья резко обернулся.

К нам по аллее, небрежно засунув руки в карманы тёмных карго-штанов, шёл Макар. Видимо, только что вернулся со смены. На нём была чёрная футболка, подчёркивающая широкие плечи, и тяжёлые ботинки, которые бесшумно ступали по асфальту. Он не ускорял шаг, но в самой его пластике, в том, как он неотрывно смотрел на Илью, читалась такая спрессованная угроза, что даже мне стало не по себе.

Илья рефлекторно разжал пальцы. Я тут же отступила, потирая запястье.

– А ты ещё кто такой? – с вызовом бросил Илья, пытаясь сохранить лицо, но я видела, как напряглась его спина.

Он был на полголовы ниже Макара и вдвое уже в плечах.

Макар остановился в метре от него. Окинул Илью медленным, пренебрежительным взглядом с ног до головы, задержавшись на розовом букете.

– Я тот, кто сейчас засунет этот веник тебе в глотку шипами вперёд, если ты ещё раз к ней прикоснёшься, – совершенно спокойно, без капли эмоций произнёс он.

Илья побледнел. Его кадык нервно дёрнулся.

– Это моя жена, – попытался он включить «хозяина», но голос дрогнул. – Мы сами разберёмся. Тебя это не касается.

– Ошибаешься, – Макар чуть склонил голову набок. – И она ясно сказала, что видеть тебя не хочет. У тебя проблемы со слухом или с инстинктом самосохранения?

– Слушай, мужик... – Илья попробовал взять агрессивный тон, но Макар сделал один шаг вперёд.

Этого хватило. Илья осёкся, инстинктивно отшатываясь назад. Вся его спесь испарилась в секунду.

Макар не повышал голос, не размахивал руками, он просто *давил* – глухо, неотвратимо, как бетонная плита.

– Даю три секунды, чтобы ты исчез с горизонта, – ровно произнёс Макар. – Один.

– Два.

Но Илья вдруг упёрся. Видимо, ущемлённое эго на мгновение перевесило инстинкт самосохранения в присутствии другого мужчины. Он отступил на шаг, но не ушёл, а вздёрнул подбородок.

– Какого чёрта ты вообще лезешь?! – вскинулся Илья. – Ты кто такой, чтобы мне указывать, как с женой общаться?

Макар даже не поменял позы. Лицевые мышцы не дрогнули, он лишь чуть внимательнее всмотрелся в раскрасневшееся лицо моего мужа.

– Про соседа со сломанными рёбрами слышал? – ровно, почти обыденно поинтересовался он.

Илья осёкся. Недоумённо заморгал, сбитый с толку внезапной сменой темы.

– Ну? – настороженно выдавил он.

– Моя работа, – Макар небрежно повёл широким плечом. – Он тоже решил, что может со своей бабой как с собакой разговаривать.

От тона, которым это было сказано – скучного, будничного, без единого грамма бравады, – по спине скользнул неприятный холодок даже у меня. Илья нервно сглотнул, но попытался натянуть на себя маску саркастичной борзоты.

– А ты, типа, защитник выискался? – фыркнул он.

– Ну, допустим.

– Я её не обижаю! – возмутился Илья. – Мы просто разговариваем!

– Хочешь разговаривать – говори. А за руки не хуй хватать, – Макар впервые повысил градус жёсткости.

Илья заметно стушевался. Его привычный механизм отрицания сработал на автомате:

– Я не хватаю...

– Хочешь сказать, я слепой? – Макар чуть прищурился.

Илья нервно переступил с ноги на ногу.

– Слушай, отстань уже, а? – попросил Илья, теряя последние крохи достоинства. – Дай мне с женой поговорить нормально!

Макар не сдвинулся ни на миллиметр.

– Говори.

Илья вскинул руки, едва не роняя свой букет.

– Так уйди!

– Нет, – Макар невозмутимо привалился плечом к бетонному козырьку подъезда. – Я тут живу. С чего это я должен уходить?

Илья побагровел. Он переводил отчаянный, полный бессильной злобы взгляд с меня на эту непробиваемую скалу в карго-штанах и обратно.

– Тебе вообще чего надо от нас?! – выплюнул Илья.

Макар неторопливо отклеился от стены, сделал шаг к Илье и навис над ним.

– Догадайся.

Илья нервно сглотнул, но сдаваться не спешил. Он судорожно цеплялся за остатки своей уязвлённой гордости.

– Как я должен догадаться? – огрызнулся Илья.

Макар чуть прищурился.

– А ты мозгами пораскинь, – обманчиво ровным голосом посоветовал он.

Илья завис. Его взгляд застался между непроницаемым лицом Макара и мной.

– Ах, вот оно что... – протянул Илья. – Понятно всё. Снюхались уже? Быстро же ты утешилась, Алина!

Классика жанра. Пойманный на горячем изменник, спасая свою шкуру, тут же перевесил вину на меня.

– Аналитик из тебя так себе. А ещё знаешь такую пословицу. Каждый судит сам по себе.

Илья впал в ступор.

– Не понимаю

– А тебе и не понять. Хорошая у тебя жена... а ты про неё сразу плохо готов подумать.

Илья забуксовал окончательно. В его эгоцентричной системе координат просто не было переменных, чтобы расшифровать эту логику. Как это – заступиться за чужого человека без скрытого мотива? Без того, чтобы уже «снюхаться»?

Его лицо, минуту назад пылавшее праведным гневом оскорблённого мужа, теперь выглядело до неприличия жалким и помятым. Он перевёл бегающий взгляд с невозмутимого Макара на меня, беззвучно открыл рот, собираясь выдать очередную порцию яда, но вовремя оценил габариты соседа. Инстинкт самосохранения, наконец, победил уязвлённое самолюбие.

– Сосед, давай ты уже пойдёшь дальше, а мы с Алиной сами поговорим. Я итак знаю, что она у меня замечательная. Обижать я её не буду. Честно.

– Что-то мне не верится. А тебе Алин? – Макар посмотрел на меня, предоставляя самой выбирать.

Да я могла поступить сейчас по-человечески. Выслушать его, но мне этого не хотелось. И я устала поступать как надо, когда человек этого не заслужил. Пусть помучается.

– Мне тоже верится с трудом. Я лучше домой пойду, – я развернулась, открыла дверь и скользнула в темноту подъезда.

– Вот видишь. Она свой выбор сделала, – донёсся до меня голос Макара с улицы. – И я не советую тебе сейчас доставать её. Я ведь не всегда таким вежливым бываю. Она теперь под моей защитой. Уяснил?

Глава 9

Уходить от двери я не спешила, затаив дыхание, вслушивалась в слова.

– Ну и чего ты добиваешься? – голос Ильи прозвучал уже не так борзо. – Думаешь, она тебе на шею бросится за то, что ты тут грудью амбразуру закрываешь?

– Я думаю, что тебе пора, – тут же ответил Макар. – Три раза уже сказал: свободен. А ты всё топчешься.

– Да пошёл ты! – вспыхнул Илья, и я почти физически ощутила его бессильную злобу. – Герой хренов! Ты её вообще не знаешь! Она ж истеричка! Неделю поиграет в обиженку, а потом сама ко мне прибежит, понятно? Мы четыре года вместе, у нас семья!

Короткая пауза. Илья явно ждал реакции, надеялся зацепить, вывести соседа из равновесия.

– Семья? – голос Макара не изменился ни на полтона. – Это когда ты бабку жарить, пока жена на работе? Высокие отношения. Не завидую.

Тишина, повисшая на улице, казалась почти осязаемой. Я зажмурилась.

– Ты... – Илья задохнулся. – Откуда ты... Она уже всё растрепала?! Какая же сука!

– Фильтруй базар, – коротко лязгнул Макар. – Ещё одно кривое слово в её сторону, и я тебе челюсть сломаю. Понятно?

Молчание Ильи было красноречивее любых слов.

– А теперь слушай сюда, – произнёс сосед. – Ты сейчас разворачиваешься и уходишь. И забываешь дорогу в этот двор. Если я ещё раз увижу тебя возле неё или узнаю, что ты караулишь её у школы... Я не буду с тобой разговаривать. Я тебя просто покалечу. И поверь, я знаю, как это сделать так, чтобы ты потом полгода через трубочку питался, а доказать ничего не смог. Усёк?

– Психи... – сдавленно, почти жалко выдавил Илья. – Вы оба просто психи...

Резко зашуршал гравий под подошвами – Илья сорвался с места, торопливо уходя прочь. Шаги звучали дёргано, суетливо, и вскоре окончательно растворились в городском гуле.

Сдался. Сбежал.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как ослабевают тиски в груди.

Магнитный замок коротко пискнул. Дверь распахнулась, впуская полосу слепящего майского солнца и Макара. Он неспешно зашёл внутрь, привычно придержал створку, не давая ей грохнуть на весь первый этаж, и обернулся ко мне.

В полумраке его лицо казалось высеченным из камня – ни грамма рисовки.

– Слышала? – без предисловий спросил он, нажимая пластиковую кнопку вызова лифта.

– Да, – отозвалась я, отлепляясь от стены. – Всё слышала.

– Под твоей защитой? – повторила я фразу, которую он бросил там, на крыльце, и которая до сих пор не выходила из головы.

Макар пожал широкими плечами.

– Считай это социальной нагрузкой, – невозмутимо отозвался он, когда перед нами разъехались дребезжащие створки лифта. – И мерой по поддержанию тишины в жилом секторе. Терпеть не могу, когда под окнами скулят. Заходи.

Мы шагнули в кабину. Металлические створки с лязгом сомкнулись, отрезая нас от подземного полумрака и оставляя в тесном пространстве, залитом резким жёлтым светом.

Лифт дёрнулся и с натужным гудением пополз вверх.

Я прижалась лопатками к прохладной стене, стараясь дышать ровно. Кабина была стандартной, но сейчас казалась крошечной. Макар стоял рядом, засунув руки в карманы. От него едва уловимо чем-то терпким, мужским, и сигаретами. Илья не курил, и я всегда плохо отно-

силась к курению. Но вот Макару этот запах и образ шёл. Он не был противным или дешёвым. Он был вкусным.

Особенно в коктейле с его парфюмом.

Это было неправильно. Неуместно. Я только что пережила безобразную сцену с изменившим мужем, Я ведь даже ещё не развелась, но меня тянуло к нему. Я наблюдала за ним из-под полуопущенных ресниц. Он выглядел идеальным. О таком мужчине мечтает, наверно, любая женщина. Надёжный, сильный, высокий, широкоплечий. Да на его плечи можно было залипнуть надолго. На то, как двигались мышцы, когда он поворачивал голову, как дёргался кадык.

И мне вдруг до одури, до покалывания в кончиках пальцев захотелось выглядеть... иначе. Рядом с ним.

Повинуясь какому-то глупому, чисто женскому инстинкту, я подняла руку и торопливо заправила за ухо выбившуюся прядь волос. Жест вышел дёрганым, суетливым. Я тут же опустила руку, мысленно обругав себя за эту неуместную реакцию.

Макар перевёл на меня взгляд. В замкнутом пространстве лифта его глаза казались ещё темнее, почти чёрными. Он смотрел не так, как Илья. Его взгляд был прямым, тяжёлым, как рентген.

– Что-то ты нервная сегодня? – неожиданно нарушил он тишину.

– Плохо спала, – я нервно сглотнула.

– У тебя зрачки во всю радужку, – он чуть прищурился, разглядывая моё лицо.

Я машинально спрятала руки в карманы тренча, чувствуя, как краска приливает к щекам.

– Нормально всё, – пробормотала я, отводя взгляд на панель с кнопками. Светящаяся цифра "4" медленно сменилась на "5". – Пройдёт.

– Пройдёт, – согласился Макар.

Он вдруг сделал полшага ближе. Пространство кабины сжалось до минимума. Я инстинктивно сжалась, но он просто протянул руку к моему лицу.

– У тебя тут... воротник завернулся.

Его пальцы скользнули по краю моего бежевого тренча, расправляя плотную ткань. Одно короткое, случайное движение, и костяшки пальцев едва ощутимо мазнули по моей шее – как раз там, где под тонкой кожей заплотшно бился пульс.

Меня словно током прошило. Я задержала дыхание и, подняла голову, посмотрев на него снизу вверх.

Макар тоже замер. Его рука на долю секунды задержалась у моего плеча. Взгляд тёмных глаз сфокусировался на моём лице, потяжелел, скользнул к губам и вернулся обратно.

На одно долгое мгновение мы так и застыли, глядя друг на друга под мерное гудение механизма.

Дзинь.

Лифт дёрнулся и остановился. Металлические створки с лязгом поехали в стороны.

Оцепенение спало так же резко, как и накатило. Макар тут же убрал руку, моргнул и отвёл взгляд, словно сбрасывая наваждение.

– Ладно, пока, – глуховато бросил он, выходя на площадку и направляясь к своей двери.

– Пока, – отозвалась я.

Торопливо вставила ключ в свой замок, провернула его непослушными пальцами, влетела в прихожую и тут же щелкнула задвижкой. Прислонилась спиной к двери, закрывая глаза.

Руки откровенно тряслись – то ли от нервного перегруза на улице, то ли от этих нескольких секунд в тесной кабине. Сердце колотилось в груди, будто я не на лифте приехала, а поднималась пешком.

Тишину пустой квартиры разорвал резкий, требовательный рингтон мобильного в кармане.

Я вздрогнула. Достала телефон. На экране горело: «Мама».

Внутри всё мгновенно заледенело. Вся эта непонятная дрожь, смущение и недовольство собственной уязвимостью перенаправились в ярость. Вчера она разрушила мою жизнь, а сегодня звонит, как ни в чём не бывало? Достала!

Я резко провела пальцем по экрану, принимая вызов.

– Что тебе надо? – спросила я холодно.

– Значит так, Алина, – тон Вероники был деловым, без единой ноты раскаяния. Словно она отчитывала нерадивую администраторшу в своём салоне. – Если ты и дальше будешь трепать всем подряд, что мы с Ильёй спали вместе, мне придётся принять меры.

Я замерла, не веря своим ушам.

– Меры?

– Именно, – отрезала мать. – Я скажу всем, что ты больная. Что у тебя шизофрения, и что тебе лечиться надо. Не смей рушить мою репутацию и трезвонить о нашей семье на каждом шагу!

Шок окатил меня ледяной волной. То есть, единственное, что её сейчас волнует – это то, что кто-то узнает правду?

Её идеальный образ владелицы салонов красоты и ухоженной женщины под угрозой? А то, что она спала с мужем родной дочери – это мелочи, издержки производства.

– Это тебе кто такое уже донести успел? – выдохнула я, чувствуя, как ногти до боли впиваются в ладонь. – Илья? Уже прибежал жаловаться, что его обидели?

Глава 10

– Илья поступил благоразумно, – привычно-поучающим тоном отчеканила мать. – Он хотя бы оценивает риски и понимает последствия. И, в отличие от тебя, не устраивает дешёвых дворовых драм с привлечением маргиналов. Алина, ты вообще соображаешь, что творишь? Натравила на мужа какого-то неадекватного зека!

Маргинал. Зек. Я усмехнулась, живо представив, как именно Илья преподнёс ей эту сцену. Выставил себя невинной жертвой, а Макара – психопатом из подворотни, чтобы хоть как-то оправдать свой трусливый побег.

– Этот «зек» просто не дал твоему... любовнику распускать руки, – слово царапнуло горло стекловатой, но я заставила себя произнести его ровно. – Вы теперь с ним заодно? Отличный тандем. Созваниваетесь, чтобы выработать общую стратегию, как лучше заткнуть мне рот?

– Я защищаю свою жизнь, которую выстраивала годами! – прошипела она, окончательно теряя свой идеальный лоск. – У меня статус, серьёзный бизнес, клиенты! А ты кто? Школьная училка с копеечной зарплатой! Кому, по-твоему, поверят, Алина? Успешной женщине или брошенной истеричке, которая от ревности начала выдумывать грязные небылицы? Да мне достаточно одного звонка нужным людям, и тебя к детям на пушечный выстрел не подпустят! Справку о неменяемости нарисуют за сутки!

Она не блефовала.

В этом и был весь запредельный, сюрреалистичный ужас ситуации. Моя родная мать на полном серьёзе угрожала сломать мне жизнь, лишит профессии и заклеить сумасшедшей. И всё это ради того, чтобы спасти свой безупречную репутацию после того, как сама же раздвинула ноги перед моим мужем. Человеком, которого она годами презрительно называла «нищим».

Удивительно, но страха не было. Вся моя прежняя детская привычка тушеваться перед её авторитетом, пытаться заслужить одобрение, дотянуться до её завышенных стандартов – всё это просто исчезло. Осталась лишь безгливость.

– Какая же ты мерзкая, – тихо произнесла я.

В динамике повисла тишина.

– Только вот информацию надо проверять. Я даже не собиралась ничего никому доказывать, Вероника, – я назвала её по имени, навсегда отсекая для себя статус дочери. – Мне самой до тошноты противно полоскать ваше дерьмо на публике. Но если я начну этим заниматься, то сделаю это максимально громко. С прессой и журналистами. Так что не надо угрожать мне.

– Да как ты смеешь так со мной разго... – задохнулась от возмущения мать, но я её перебила.

– Только учти одну деталь. Сегодня он прыгнул в койку к тебе, потому что ему так было удобно. А завтра найдёт кого-то, кто не годится ему в матери. И ещё. Если твой карманный мальчик снова притащится к моему подъезду, я даже не стану вызывать полицию. Я просто не буду мешать соседу.

Я отняла телефон от уха и нажала отбой.

Пальцы двигались чётко и методично. Зайти в настройки вызова. Заблокировать контакт. Подтвердить. Следом открыть переписку с Ильёй. Заблокировать.

Я бросила мобильный на тумбочку, словно он был заразным. В квартире было непривычно тихо. Никто не разговаривал, не шёл телевизор. Я осталась одна. Теперь больше никто не позвонит. Никто не придёт.

Я подошла к зеркалу в прихожей и посмотрела на своё отражение. Бледное лицо, тёмные от расширенных зрачков глаза, растрёпанные волосы. Да, не идеальная картинка с глянцевого журнала, но зато настоящая и честная. Почему-то это сейчас для меня было очень важно.

На следующее утро я открыла глаза, привычно ожидая услышать шум воды в душе или недовольное бормотание Ильи о том, что он не может найти чистую рубашку. Но потом вспомнила, что я теперь живу одна и от этого дышаться стало на удивление легче.

Была суббота. В школу идти не нужно. Я заварила себе крепкий кофе и, глядя на залитый ярким майским солнцем двор, приняла решение.

Пора провести генеральную уборку.

Я достала из кладовки упаковку самых плотных, 120-литровых мусорных мешков и распахнула дверцы шкафа. Вчера я залила хлоркой только постельное бельё. Сегодня пришёл черёд всего остального.

Его рубашки, джинсы, костюмы, галстуки – всё летело в чёрные пластиковые пакеты. Я не сортировала, не складывала, просто сгребала с полок целыми стопками и швыряла на дно. Если ещё вчера у меня не поднялись руки выкинуть его вещи, то после его жалобы маме, я делала это с лёгкостью.

На верхней полке, за сложенными свитерами, рука наткнулась на тяжёлую бархатную коробочку.

Я открыла крышку. Массивные швейцарские часы холодно блеснули циферблатом. Подарок моей матери Илье на прошлый Новый год.

«Моему зятю, чтобы всегда знал цену времени», – так Вероника тогда сказала с многозначительной, снисходительной улыбкой. Меня ещё тогда кольнуло, что подарок слишком дорогой, статуснее, чем она дарила мне, родной дочери.

Илья в панике забыл их забрать. Что ж.

Теперь-то всё стало понятно. Она ругала его для отвода глаз. Я почти была уверена, что спали они уже давно.

Я захлопнула коробочку и сунула её в карман джинсов. Мешки с вещами оказались неподъёмными, но я упрямо потащила их к входной двери, волоком.

Вытолкав первый баул на лестничную клетку, я вытерла пот со лба.

Двери лифта с тихим гудением разъехались. На площадку шагнул Макар.

Сегодня на нём была простая серая толстовка и джинсы, в одной руке он держал спортивную сумку, в другой – ключи с брелоком от автосигнализации. Увидев меня, сражающуюся с чёрным пластиковым монстром, он остановился. Взгляд тёмных глаз быстро оценил масштаб катастрофы.

– Доброе утро, – сосед перевёл взгляд с мешка на моё покрасневшее лицо. – Я смотрю, процесс сепарации перешёл в активную фазу. Расчленёнку выносишь?

– Почти, – я сдула со лба непослушную прядь. – Останки брака.

Макар хмыкнул. Он поставил сумку на пол, подошёл ближе и без видимых усилий подхватил мой баул за завязанные края, словно тот был набит пухом, а не мужской обувью и костюмами.

– Сколько их там ещё?

– Ещё два. Я сама...

– Сама ты спину сорвёшь, – ровно перебил он, оттесняя меня с дороги и по-хозяйски заходя в мою прихожую. – Двери поддержи.

Спорить я не стала. Он двигался уверенно, жёстко, не оставляя места для лишних пререканий. Через пару минут все три тяжелых мешка уже стояли в коридоре у лифта – в мусоропровод они бы всё равно не пролезли, нужно было спускать их к уличным бакам.

– Спасибо, – я прислонилась к дверному косяку. – Я, кстати, собиралась тебе долг за замок занести. Подождёшь полчаса? Мне только нужно дойти до одного места.

Макар чуть прищурился.

– До какого?

Я достала из кармана бархатную коробочку и щёлкнула крышкой. Циферблат швейцарских часов равнодушно блеснул в полумраке лестничной клетки.

– Подарок моей многоуважаемой матери своему любимому зятю, – ровно пояснила я. – Он так торопился сбежать вчера, что забыл прихватить. Хочу дойти до ломбарда. Как раз хватит, чтобы вернуть тебе за замок и мне ещё останется как компенсация за моральный ущерб.

Макар перевёл взгляд с моего лица на часы. Чуть прищурился, шагнул ближе и, не спрашивая разрешения, взял коробочку из моих рук. Его пальцы на мгновение коснулись моих. Я снова почувствовала этот предательский, волнующий укол где-то под рёбрами, но заставила себя не отводить взгляд.

– Механика, хороший калибр, – констатировал он, безошибочно оценив вес и качество металла. – Вещь дорогая. В ближайшей скупке за углом тебе предложат за них цену поддержанного смартфона, потому что у тебя на лбу бегущей строкой светится: «хочу поскорее от этого избавиться».

Макар захлопнул коробочку с глухим щелчком и протянул её мне обратно.

– Переодевайся.

Я непонимающе моргнула.

– В смысле?

– В прямом. Ты в домашней футболке и с пучком на голове собралась идти барыгам дорогие часы сдавать? – уголок его губ дрогнул в едва заметной усмешке. – Я довезу тебя до нормального места, где не кинут на деньги. И мешки эти сейчас к бакам снесём.

– Макар, не нужно, у тебя свои дела... – начала было я, бросив взгляд на его спортивную сумку, но он перебил меня тоном, не терпящим возражений:

– Тренировка куда не денется. Пять минут тебе хватит?

И опять я не стала с ним спорить с ним. Да и, если быть до конца откровенной с самой собой, мне совершенно не хотелось отталкивать его помощь. Рядом с ним эта новая реальность приобретала хоть какую-то устойчивость.

– Хватит, – кивнула я.

Через пять минут я вышла в коридор в тёмных джинсах, белой базовой футболке и накинутом сверху чёрном кардигане. Волосы просто расчесала, оставив распущенными. Никакого макияжа – на это действительно не было ни сил, ни желания.

Макар молча нажал кнопку вызова лифта, подхватил два самых тяжёлых мешка, а мне кивком указал на третий, который был легче.

Возле уличных мусорных баков я испытала странное, почти мстительное удовлетворение, слушая, как с глухим стуком приземляются на дно контейнера пакеты с вещами Ильи. Туда им и дорога. Пусть моя драгоценная мама приоденет своего голубчика.

Чёрный внедорожник Макара ждал нас за домом. Глухо хлопнула тяжёлая дверь, отрезая уличный шум.

Глава 11

Макар завёл двигатель. Тот отозвался низким, сытым рокотом.

– Пристегнись, – негромко скомандовал сосед, переводя селектор коробки передач.

Я послушно потянула ремень. Машина плавно тронулась с места, мягко выкатываясь со двора на залитую солнцем улицу.

Я отвернулась к окну, глядя на мелькающие деревья и витрины, но боковым зрением всё равно ловила каждое его движение. То, как расслабленно и уверено его руки лежали на руле. То, как он перестраивался – без суеты, не подрезая, но так, что другие машины невольно уступали тяжёлому внедорожнику дорогу. Рядом с ним было спокойно. Я снова поймала это чувство. Макар вызывал всем своим видом уважение. И я даже пожалела, что Илья не такой, как МАкар. Где были мои глаза, когда я согласилась выйти замуж. Теперь я знала, как должен выглядеть настоящий мужчина. Вот за такого надо выходить замуж. Жаль, что я раньше этого не понимала.

– Сурово ты с гардеробом обошлась, – вдруг сказал Макар.

– Надо было устроить ритуальное сожжение прямо на детской площадке? – я криво улыбнулась.

– За разведение костров в жилой зоне я бы тебя оштрафовал. А так – вполне экологично, – уголок его губ снова дрогнул. – Местные бродяги сегодня устроят модный показ.

Я представила какого-нибудь бездомного в пиджаке Ильи и рассмеялась. Напряжение, стягивавшее грудную клетку стальным обручем, немного ослабло.

– Куда мы едем? – спросила я отсмеявшись.

– В центр. К одному моему бывшему коллеге. Сейчас он держит ломбард, специализируется на элитных часах и ювелирке. Оценит честно, по рынку, без попыток сыграть на твоём стрессе.

– Спасибо.

– Пока не за что.

Остаток пути мы проехали в молчании. Я ловила себя на мысли, что моя жизнь за какие-то двадцать четыре часа совершила немыслимый кульбит. Ещё позавчера я была замужней учительницей, у которой были семья, иллюзия стабильности и привычная рутина. А сегодня я еду в тонированном джипе с бывшим безопасником сдавать часы мужа-предателя.

Охренеть!

Но самое забавное, что именно сейчас я чувствовала себя живой.

Мы припарковались возле неприметного, но солидного здания с камерами по периметру и тяжёлой дубовой дверью. Никаких кричащих вывесок «Скупка» или неоновых огней.

Макар заглушил мотор и повернулся ко мне.

– Коробочка у тебя?

Я похлопала по карману кардигана.

– Да.

– Отлично. Говорить буду я, ты просто стой рядом и делай вид, что так и надо. Договорились?

– Договорились, – кивнула я, чувствуя себя героиней криминального фильма.

Внутри помещения всё тоже выглядело респектабельно: приглушённый свет, бронированные стёкла, кожаные диваны. Навстречу нам из-за стойки поднялся плотный лысоватый мужчина в очках. Увидев моего спутника, он расплылся в широкой улыбке.

– Макар! Какими судьбами? Давненько не заходил.

– Привет, Борис, – Макар пожал протянутую мужчиной руку, коротко и по-мужски крепко. – Дела. Знакомься, это Алина.

Борис вежливо кивнул мне.

– Добрый день, Алина. Чем могу помочь?

Макар посмотрел на меня. Я достала из кармана кардигана бархатную коробочку и передала её Борису. Тот щёлкнул крышкой, достал из нагрудного кармана небольшую ювелирную лупу и включил направленный свет настольной лампы.

В помещении стало тихо, только слышно было как часы мерно отсчитывают секунды. Я стояла чуть позади Макара, глядя на его широкую спину. От него исходила такая уверенность, что моя собственная нервозность начала постепенно отступать.

– Оригинал, – наконец резюмировал Борис, откладывая лупу и выключая лампу. – Механизм в идеале, царапин на сапфире нет. Ремешок почти не ношен. Документы, чеки есть?

– Всё, что есть – перед тобой, – ровно ответил Макар, опираясь предплечьями о стойку. – История чистая, вещь личная. Оценивай как есть, но по справедливости. Без скидок на срочность.

Борис задумчиво потёр подбородок, пару раз щёлкнул клавишами на калькуляторе и развернул его экраном к нам.

Я с трудом подавила удивлённый вздох. Сумма на табло равнялась моей зарплате учителя за добрых полгода.

Но Макар даже не изменился в лице.

– Борь, – его голос прозвучал негромко, но весомо. – Мы оба знаем, что этот калибр улетит у тебя за неделю, даже без бумаг. Накинь ещё пятнадцать процентов к этой цифре, и мы пожмём друг другу руки.

Оценщик тяжело вздохнул, снял очки и протёр их платком.

– Хватку ты не теряешь, Макар. Ладно. Ради старой дружбы. Паспорт с собой, Алина?

Я кивнула, доставая документ из сумочки.

Процедура оформления заняла от силы минут десять. Когда Борис отсчитал и положил передо мной на стойку плотную пачку пятидесятирублевых купюр, я на секунду замерла.

Эти деньги были не просто компенсацией.

Они были осязаемым доказательством того, что я действительно настроена решительно. Часы – символ высокомерия моей матери и продажности моего мужа – остались по ту сторону бронированного стекла. А у меня появился ресурс. Мой собственный.

Мы вышли из прохладного ломбарда на залитую солнцем улицу.

Я остановилась возле машины, отсчитала нужную сумму и протянула Макару.

– Вот. За замок.

Он не стал ломаться, разыгрывать благородство или отказываться. Просто молча взял купюры и убрал в карман джинсов. Это подкупало ещё больше – никаких дешёвых жестов, всё предельно чётко и по-взрослому.

– И... спасибо тебе, – добавила я, глядя ему в глаза. – Огромное. За всё. Если бы не ты, Борис наверняка дал бы меньше.

– Дал бы меньше, – не стал отрицать Макар.

Он открыл передо мной пассажирскую дверь, но отходить в сторону не спешил. Задержал взгляд на моём лице, чуть прищурившись от яркого майского солнца.

– Тут в десяти минутах езды есть хорошее место, – произнёс он. – Я с утра только кофе выпил, не отказался бы нормально перекусить. Составишь компанию?

Я на секунду задумалась. Возвращаться сейчас в пустую квартиру, где каждая стена напоминала о вчерашнем кошмаре, совершенно не хотелось. А вот выпить кофе в компании Макара – очень.

– Составлю, – я позволила себе улыбнуться. – Тем более, я теперь богатая женщина. Считай, что я угощаю.

Макар коротко, по-доброму усмехнулся.

– Договоримся, – уклончиво отозвался он. – Садись.

Я забралась на высокое сиденье внедорожника. Макар захлопнул за мной дверь, обошёл машину и сел за руль.

– Кафе итальянское, – нарушил молчание сосед, выруливая на проспект. – Паста, пицца, нормальный кофе. Возражения есть?

– Никаких, – я откинулась на спинку сиденья, чувствуя, как напряжение в плечах окончательно отпускает. – Итальянская кухня – это то, что нужно.

Мы припарковались у небольшого ресторанчика с открытой летней верандой. Внутри было не слишкомлюдно, играла ненавязчивая музыка. Макар уверенно провёл меня к угловому столику у окна, отодвинул стул.

Когда мы сделали заказ – два кофе и пасту – между нами повисла небольшая пауза. Макар сидел напротив, откинувшись на спинку стула, и внимательно смотрел на меня.

Под его пристальным, немигающим взглядом мне вдруг стало не по себе. Нет, это не был сальный или оценивающий осмотр, так смотрят, когда пытаются разгадать сложную головоломку. Я поймала себя на том, что неосознанно поправляю воротник кардигана.

– У меня что-то на лице? – попыталась отшутиться я, не выдержав затянувшейся тишины.

– Нет. Лицо абсолютно чистое, – ответил он. – Просто смотрю и думаю о том, что сегодня ты выглядишь совсем по-другому. Не так, как раньше.

– И как же? – вопрос сорвался с губ быстрее, чем я успела себя одёрнуть.

– Очень красиво, – так же просто ответил Макар.

– Тебе идёт быть настоящей, – добавил он, скользнув взглядом по моим распущенным волосам и лицу. – Без тонны макияжа, сложной укладки и попыток кому-то соответствовать. Редкое качество.

От этой откровенности к щекам мгновенно прилил горячий румянец. Я смутилась настолько, что поспешно опустила глаза на стол, внезапно заинтересовавшись узором на перечнице.

Глава 12

В попытке скрыть неловкость я сделала большой глоток кофе и решила перевести разговор на безопасную территорию.

– Знаешь, – произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо, – у наших подъездных бабушек на твой счёт есть пара устойчивых теорий. Твоя репутация там – это отдельный вид искусства.

Макар откинулся на спинку стула, всем своим видом выражая ленивый интерес.

– Дай угадаю, – его губы дрогнули в ироничной полуулыбке. – Я торгую оружием или руковожу картелем?

– Почти. Марья Петровна с первого этажа уверена, что ты либо киллер на пенсии, либо коллектор, – я наконец-то расслабилась и тихо рассмеялась. – Говорит, взгляд у тебя слишком тяжёлый. И едешь на бандитском джипе.

– Логичная дедукция, – хмыкнул Макар. – Передай Марье Петровне, что джип мне нужен исключительно для того, чтобы удобнее вывозить в лес тех, кто сверлит стены по выходным.

Мы заказали ещё по чашке. Беседа текла на удивление легко. Макар не пытался заполнять паузы пустой болтовнёй, его шутки были сдержанными, без попыток казаться душой компании. Рядом с ним не нужно было носить маску.

– А если серьёзно, Алина, – он отодвинул пустую чашку и внимательно посмотрел на меня. – Какие у тебя планы на жизнь после развода?

– Выжить, – я пожала плечами, криво усмехнувшись. – Довести учебный год до конца, не сойти с ума.

– Это бытовуха, – отрезал он. – А для себя? Может, захочешь завести роман? Чтобы ощутить полноту жизни, встряхнуться.

Я замотала головой, даже не задумываясь.

– О нет. С любовью, страстями и высокими чувствами покончено. Лимит доверия исчерпан лет на десять вперёд. Мне бы просто в себя прийти от этого развода, а не нырять в новые проблемы.

Макар смотрел на меня несколько долгих секунд, а затем совершенно ровным, обыденным тоном произнёс:

– Жаль. Я бы предложил свою кандидатуру.

Воздух вдруг застрял у меня в горле. Я поперхнулась, судорожно пытаюсь сделать вдох.

– Ч-что? – мой голос сорвался, и я позорно начала заикаться.

Макар подался вперёд и накрыл мою руку своей обжигающей ладонью.

– Успокойся. Я ведь тебя в постель не тащу прямо сейчас. Но если захочешь забыть мужа – я могу помочь.

Мне казалось, что земля уходит из-под ног. Слышать такое предложение было дико. Непривычно. Но где-то в глубине живота от его слов разлилось сладкое тепло.

Я резко покачала головой, выдёргивая руку. На такое я точно никогда не соглашусь!

Спать с мужчиной просто потому, что он предложил помощь в качестве таблетки от бывшего?

Это казалось чем-то противоестественным.

Но больше всего меня пугало собственное тело. От одного только того, как его ладонь легла поверх моей, у меня предательски ослабели колени, а по спине прокатилась горячая волна.

Это было неправильно.

– Мне пора, – я торопливо схватила сумочку, чувствуя, как щёки пылают. Пальцы не слушались, когда я пыталась застегнуть замок.

– Спасибо за прекрасный вечер, Макар, – выдавила я, стараясь не смотреть ему в глаза. – Но ты меня с кем-то перепутал. Я не из тех, кто бросается на первого попавшегося мужчину сразу после развода.

Я попыталась встать, но он перехватил моё запястье.

– Успокойся и сядь, – приказал он.

Мне пришлось опуститься обратно на стул.

– Оскорбить тебя не хотел, – сверлил он меня своими чёрными глазами. – Просто нравишься мне.

Я злилась. Злилась на него за эту обезоруживающую прямооту, с которой он взламывал мои личные границы, но ещё больше – на саму себя.

Мне было некомфортно от того, как сильно меня тянуло к этому мужчине. Какая-то запертая внутри часть меня отчаянно хотела принять его предложение, и это пугало.

– Я понимаю, – мой голос дрогнул. – Но мне всё же пора. Я пойду.

Я вскинула руку, подзывая официанта, и торопливо потянулась в сумочку за деньгами. Но Макар уже достал бумажник.

– Я пригласил, я и плачу, – безапелляционно заявил он, вкладывая купюры в счетницу.

– Пока, – бросила я и, не дожидаясь его, быстрым шагом направилась к выходу.

Я почти выскочила на улицу, жадно глотая свежий воздух, надеясь, что расстояние поможет остудить пылающие щёки. Но далеко уйти не успела. Макар догнал меня в несколько широких шагов.

Его тяжёлая рука легла мне на талию, уверенно притормаживая и разворачивая в сторону парковки.

– Ну и куда ты решила сбежать? – улыбнулся он.

– Я сама могу добраться до дома, – я попыталась дёрнуться, но его хватка на талии была крепкой.

– И зачем? – резонно спросил Макар. – Я тоже домой сейчас еду. Могу ведь подвезти.

– Нет, спасибо, не надо.

Он тяжело вздохнул, взял за плечи и развернул к себе, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза.

– Алина, что началось? – жёстко спросил он. – Я ведь тебя не собираюсь насилловать. Успокойся уже и забудь мои слова, если они тебя так напрягли. Садись в машину.

В его взгляде было столько уверенности, что мои жалкие попытки бунтовать окончательно рассыпались. Я молча развернулась, подошла к внедорожнику и забралась на пассажирское сиденье.

Всю обратную дорогу мы не проронили ни слова. Я отвернулась к окну, упрямо разглядывая проносящиеся мимо улицы и стараясь даже случайным боковым зрением не зацепить профиль Макара.

Как только мы припарковались у нашего дома, я пулей выскочила из салона. Бросив скомканное «спасибо», я почти бегом преодолела расстояние до подъезда, взлетела по ступеням и заскочила в свою квартиру.

Провернув ключ в замке, я прислонилась спиной к двери и закрыла глаза.

Меня колотила крупная дрожь. Тот идеальный, правильный мир, прямо сейчас трещал по швам.

Тело хотело сказать «да». Тело отчаянно хотело, чтобы там, на улице, он не просто развернул меня к себе, а вжал в дверцу машины и поцеловал. Хотелось, чтобы этот сильный, уверенный мужчина предложил не просто секс ради того, чтобы забыться, а нечто гораздо большее.

«Но ведь это абсурд!» – мысленно кричала я себе, сжимая виски ледяными пальцами.

Это неправильно. Ненормально. Я только недавно узнала об измене мужа с родной матерью, мой брак распался. И броситься сейчас в объятия соседа – это верх безрассудства. Это осуждается обществом, это делает меня легкомысленной, такой же испорченной, как они! Как моя мать! А я отчаянно не хотела быть на неё похожей.

Но как же сильно, до одури, мне хотелось снова почувствовать на себе его пристальный взгляд и почувствовать его руки на своей талии.

Глава 13

Вечер опустился на город, но я так и не включила в квартире свет.

Я сидела в кресле, поглубже закутавшись в пушистый плед, словно он мог защитить меня от мыслей, которые роились в голове, как встревоженные осы.

Читать не получалось – строчки расплывались, не желая складываться в смыслы.

По телевизору шли новости, но я даже не пыталась вникнуть в смысл того, что говорил ведущий новостей.

Перед глазами, словно заикленный кадр из фильма, стоял Макар.

Он сидел за столом, смотрел прямо, его рука на моей руке и его голос – низкий, уверенный – снова и снова звучал в моей памяти: *«Я бы предложил свою кандидатуру...»*

Почему это предложение продолжало крутиться в голове как наваждение?

Почему я не могу просто отмахнуться от него, как от очередной глупости?

Его слова будоражили, искушали и пугали. Это было слишком честно, слишком не вовремя и слишком... опасно. Наверное, самое правильное сейчас – просто собрать вещи и съехать отсюда.

Исчезнуть, чтобы не искушать судьбу и не позволять себе надеяться на что-то, чего в моей жизни быть не может. Секс без чувств для меня был невозможен, а вот для Макара, видимо, приемлем.

Резкий, требовательный звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. Я замерла, задержав дыхание. Время – десятый час. Я никого не ждала.

Звонок повторился. Долгий, непрекращающийся, он буквально ввинчивался в виски.

Я не хотела вставать, не хотела никого видеть, но эта настойчивость раздражала.

Медленно, словно во сне, я подошла к двери и, не спрашивая, кто там, повернула замок.

На пороге стоял Илья. В руках он сжимал букет роз, который в тусклом свете подъезда бутоны казались почти чёрными. Вид у него был немного помятый, в глазах – лихорадочный блеск.

– Алина, я пришёл, потому что не могу без тебя, – выпалил он, прежде чем я успела вставить слово. – Ты моя единственная любовь. С твоей матерью всё закончилось. Прости меня. Давай начнём всё сначала.

Я с трудом подавила желание закатить глаза. Как же он мне надоел.

– Что тебе надо, Голубев? – раздражённо спросила я.

– Я ведь уже сказал. Давай попробуем всё сначала! – Он сделал шаг вперёд, вынуждая меня отступить. – Давай уедем в другой город, подальше от твоей матери, чтобы между нами больше ничего и никогда не стояло.

– Ещё вчера ты орал, что я сука и всё всем растрепала, – я горько усмехнулась, прислонившись к косяку. – Матери моей звонил, жаловался на меня. А теперь снова просишь прощения? Тебе самому не надоело быть тряпкой, Илья?

– Я такого не говорил! И матери твоей я ничего не докладывал! – Он затряс головой, и пара лепестков с роз упала на пол.

– Угу, значит, мне всё привиделось.

– Это она! Она хочет нас рассорить, разве ты не понимаешь? – Он подался вперёд. – Ты же знаешь, она всегда была против меня. А теперь нашла способ нас развести. И если мы сейчас поддадимся, получится, что она выиграла!

– Она давно уже выиграла, Илья, – я устало закрыла глаза. – Как только ты сдался и переспал с ней.

– Что ты придумываешь! – взорвался он. – У нас было с ней всего один раз! И ей, в конце концов, не восемьдесят лет! Что ты меня прям заклеимила, будто я со старухой сплю? Твоя мать – довольно молодая женщина, она ухаживает за собой...а я мужчина. ДА я поддался. Но это можно всё забыть.

Я закатила глаза, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

– Боже, какой же ты мерзкий... Ты так и не понял, из-за чего я не могу тебя простить? Ты предал меня. И совершенно неважно, сколько моей маме лет. Ты изменил. Понимаешь ты это своим скудным умом или нет?

– Я не специально! Ты же знаешь, как я её ненавижу! – продолжал он свою абсурдную логику.

– Ну да, и поэтому принимал от неё дорогие подарки?

Илья нахмурился.

– Если ты про те часы, которые она подарила, то я их взял только для того, чтобы не ругаться на Новый год! Или ты забыла, какой она скандал может устроить? Хочешь, я прямо сейчас их верну? Все её подачки верну!

– Мне всё равно, вернёшь ты их или нет. Просто уйди. Оставь меня в покое.

Я попыталась захлопнуть дверь, но Илья оказался быстрее. Он навалился плечом, втискиваясь в прихожую. Цветы полетели на пол.

– Нет, Алина, послушай...

Прежде чем я успела среагировать, он обхватил меня за талию, притягивая к себе.

– Уйди! Отпусти меня! – я зашипела, пытаюсь упереться руками ему в грудь. – Ты мне противен!

Но Илья словно ослеп и оглох. Его хватка стала только сильнее, он буквально вжимал меня в стену, лишая воздуха и возможности двигаться. Одной рукой он намертво зафиксировал мою голову, пальцы больно впились в волосы.

– Ты просто злишься, – прохрипел он мне в самые губы. – Но я знаю, что ты всё ещё меня любишь.

Илья навалился на меня всем весом, перехватывая дыхание и не давая пошевелиться.

Он начал целовать меня насильно, грубо, сминая губы.

Я извивалась, пыталась вырваться, ударить его, но он был намного сильнее.

Но его тело казалось тяжёлым, удушающим прессом.

В голове набатом билась одна мысль: только бы вырваться, только бы оттолкнуть от себя подальше и, наконец, сделать вдох.

– Илья,пусти... – прохрипела я, но он даже не слушал.

Почувствовав, что я загнана в угол, он окончательно потерял голову. Его рука грубо схватила мою грудь через тонкую ткань футболки. Он сжал пальцы так сильно, что я вскрикнула от боли, но это его только сильнее распалило.

– Ты моя, понимаешь? Моя! – прорычал он.

Его свободная рука соскользнула вниз, к поясу моих домашних штанов. Ткань натянулась, врезаясь в кожу. Я отчаянно забилась, пытаюсь оттолкнуть его локтями, ударить коленом, но он просто придавил меня своим бедром, полностью блокируя мои движения.

Я чувствовала, насколько он заведён и возбуждён. Прямо здесь, в прихожей, человек, которому я когда-то доверяла, превратился в кого-то неуправляемого.

– Я не хочу тебя! Не хочу! – смогла прохрипеть я, отвернувшись, отчего на голове кожа вспыхнула болью. Мне показалось, что с меня снимают скальп.

– А его хотела? Когда лежала под ним. Под этим грёбаным соседом. Хотела, да?

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.